

Против вульгарщины и легкомыслия

Ответ тов. Аболину

„На деле — полное отречение от диалектического материализма, т.е. от марксизма. На словах — бесконечные увертки попытки обойти суть вопроса, прикрыть свое отступление... решительный отказ от прямого разбора бесчисленных материалистических заявлений Маркса и Энгельса. Это — настоящий „бунт на корабле“, по справедливому выражению одного марксиста. Это — типичный философский ревизионизм, ибо только ревизионисты приобрели себе печальную славу своим отступлением от основных воззрений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью открыто, прямо, решительно и ясно „рассчитаться“ с покинутыми взглядами“.

Ленин (Сочинения, т. X, „Материализм и эмпириокритицизм“, стр. 4).

1. О схоластике и марксизме

Концепция тов. Аболина, основанная на надерганных и мало понятых самим автором цитатах, наплодила ряд недоразумений в отношении критикуемых им статей. Для того чтобы распутать этот аболинский узел и восстановить истину, мне придется неоднократно обращаться к моим собственным статьям, на которые он нападает. Занятие — не особенно приятное, но Аболин к этому вынуждает меня.

Аболинская статья проводит красной нитью мысль о двух концепциях: „вещественной“ и „социологической“. На этом центральном пункте его статьи следует раньше всего остановиться.

Тов. Аболин стоит на точке зрения расширительного толкования проблемы производительного труда в капиталистическом обществе и в СССР. Его конкретные выводы сводятся к тому, что категорию производительного труда следует несколько расширить, а категорию непроизводительного труда следует сократить. Можно по этому поводу спорить до бесконечности, и спор будет становиться тем более бесплодным, чем более он будет замыкаться в кругу одной только проблемы производительного и непроизводительного труда, чем более этот спор будет отрываться от других основных проблем изучаемого общества: капиталистического или переходного. О кон-

кретных выводах не стоило бы спорить, если б за ними не скрывались диаметрально-противоположные методологические и социально-классовые воззрения.

Вопрос этот следует рассматривать не только в связи с особыми свойствами данного экономического общества в целом, но также в связи с особыми свойствами, с особым социальным значением в данном обществе отдельных сфер хозяйственной деятельности (производство, обмен и распределение). Мало сказать о капиталистическом обществе, что оно состоит, например, из классов, что оно производит стоимость и является исторически ограниченным. Для того чтобы понять проблему производительного труда, существенно необходимо уяснить себе, каковы условия проявления труда производительного и непроизводительного в каждой сфере хозяйственной деятельности. Поэтому я в самом начале своей статьи поставил вопросы: „1) в каких секторах и сферах народного хозяйства создается общественный продукт и 2) как он распределяется“.¹

Доказал ли Аболин, что не так следует ставить вопрос? „Критикуя“ меня, он об этом попросту умолчал. Если же игнорировать эти вопросы, то весь спор быстро достигает границ схоластики, теряет всякое теоретическое и практическое значение, становится бесплодным и заслуживает немедленного забвения.

Выступая против моей статьи, в которой я попытался выяснить относительную значимость производительного и непроизводительного труда в капиталистическом и в советском обществе, тов. Аболин отказывается от систематического рассмотрения отдельных сфер хозяйственной деятельности и торопится перейти к вопросу о той или иной профессии: художника, учителя и т. д. Диалектик и материалист не может ставить вопрос столь абсолютно о профессиях, но вынужден говорить о том месте, которое данная профессия занимает во всей системе хозяйственной деятельности. Поэтому я в своей статье выделил специальную главу под названием „Маркс об отдельных сферах народного хозяйства“, а в главке „Интеллигенция в капиталистическом обществе“ я считал „нужным с самого начала оговорить, что речь должна идти не об интеллигенции вообще, но о характере ее труда, вернее о той сфере народного хозяйства, в которой этот труд применяется“.² На этой методологической точке зрения я стоял до статьи Аболина и продолжаю стоять на ней и после появления его статьи, несмотря на громы и молнии, которые он мечет против меня. Я полагал и полагаю, в соответствии с учением Маркса, что такой метод, как аболинский, который отрывает вопрос о производительном труде от вопроса о специфических особенностях данного общества и о роли отдельных сфер народного хозяйства в экономике данного

¹ „План. Хоз.“, № 5 за 1927 г., стр. 129.

² Там же, стр. 143.

общества, такой метод, который игнорирует взаимозависимость отдельных отраслей народного хозяйства и толкует о „художнике“ и „учителе“ вообще, никуда не годится. Оставаясь на почве такой „абсолютной“ методологии, можно с одинаковым успехом принять расширительное или ограничительное толкование производительного труда, но ни на йоту не подвинуться в теоретическом понимании проблемы.

2. Социология, диалектика и материя

В своей статье я, между прочим, привел цитату из „Теорий прибавочной стоимости“ Маркса, в которой последний говорит, что „можно признать характерным для производительных рабочих, т. е. для рабочих, производящих капитал, что их труд реализуется в товарах, в материальном богатстве“. В связи с этим наш критик, вместо того чтобы вдуматься в смысл марксовых слов, делает против меня следующую вылазку. „Вайсберг, — говорит он, — считает, что этой цитатой должны быть уничтожены все противники „вещественного“ толкования производительности труда“. В другом месте Аболин торжествующе заявляет об окончательном крахе „вещественной“ точки зрения. Таким образом, Аболин записывает меня в сторонники „вещественной“ концепции.

Если это понимать в том смысле, что я защищаю материалистическую точку зрения, то я не знаю, как это выйдет по Аболину, но по-моему в этом ничего зазорного нет. Если же понимать дело таким образом, что, защищая материалистическую точку зрения, я игнорирую историко-социологический, общественный момент, то это, конечно, прегрешение, заслуживающее самого сурового осуждения. Судя по всему контексту аболинской статьи, речь идет об обвинении именно во втором смысле.

Итак, игнорирую ли я историческую и социологическую точку зрения? Я, вопреки напраслиам Аболина, не исхожу из какого-то самодовлеющего „материализма“ или „вещественности“ в противоположность „социологии“. Для меня „социология“ и „материя“ — связанные друг с другом явления. „Марксу, — писал я в своей статье, — удалось понять капиталистический строй лучше и совершеннее нежели самым гениальным из его предшественников, не только в силу того, что интеллектуально он их превосходил, не только в силу того, что он был материалистом, социологом и диалектиком, но в силу того, что в своих исследованиях он стоял на последовательно-революционной пролетарской точке зрения“.¹

При добросовестном чтении, которое абсолютно необходимо для научной критики, Аболин должен был заметить в этих моих словах социологический аспект. Он не мог не прочитать и следующих моих строк: „Теория Маркса, которая синтезирует принципы историзма,

¹ См. „План. Хоз.“, № 5 за 1927 г., стр. 130.

социализма и материализма на основе диалектического миропонимания заставляет нас отыскивать специфические черты каждого из этих принципов".¹

Аболин же строит свою концепцию без двух элементов марксового учения: материализма и диалектики. Естественно, что тех, которые его концепции не разделяют, он обвиняет в „вещественном“ (можно с таким же успехом в „диалектическом“) уклоне.

Если отрывать социологическое понимание от материализма и диалектики, тогда получится своеобразная „социологическая схоластика“, бессодержательная и вредная. Имеется ли в статье Аболина хоть малейшая попытка понять органическую связь историзма, материализма и диалектики в марксовой методологии? Даже намек на это у него нет. У Аболина получается игнорирование материализма и диалектики и флюсоподобное разбухание социологии.

Я писал следующее: „С точки зрения индивидуального капиталиста интерес представляет только вопрос о прибыли, о форме ценности, увеличивающей капитал. Под этим углом зрения производящим ценностью, производительным является всякий труд, увеличивающий капитал отдельного капиталиста. Может оказаться непроизводительным труд рабочего металлургического завода, если завод этот приносит убыток предпринимателю, и окажется производительным труд поджигателя домов, который разрушает общественное богатство и приносит домовладельцу добавочную ценность в виде страховой премии. Было бы, однако, наивно полагать, что поджигатель домов создает ценность. А если он и его предприниматель, у которого он работает в качестве наемного рабочего, действительно, получают в конечном счете часть общественной ценности, то эта последняя, повидимому, создается другими лицами и в другом месте. Тут речь идет о специфической капиталистической форме ценности — и только“.²

Я полагаю, что даже Аболину должно быть понятно, что и в этих строках социологическая точка зрения, указывающая на исторически ограниченные особенности капиталистического общества, выражена достаточно ясно.

3. Существует ли частная собственность в капиталистическом обществе?

Тов. Аболин упрекает меня в том, что я говорю при этом о прибыли отдельного капиталиста и о частно-капиталистических интересах. Но игнорировать частно-капиталистический характер капиталистического общества — это значит игнорировать одну из наиболее существенных черт капитализма. Если в данном случае взять капиталистическое общество в целом, то мы должны исходить из того положения, которое Маркс неоднократно подчеркивал и которое сводится к тому, что общество располагает только тем коли-

¹ Там же, стр. 130.

² Там же, стр. 133.

чеством ценностей, которое оно создает. Всякому здравомыслящему человеку понятно, что при пожаре, организованном даже по последнему слову капиталистического разрушения, ценности не создаются, а их материальное воплощение уничтожается. Но когда в результате пожара капиталист, разрушающий часть накопленной и воплощенной в материи (обязательно в материи, тов. Аболин, а не в „божественной идее“) общественной ценности и труда, все же получает прибыль, т.-е. к нему в конечном счете переходит часть ценности, созданной не им, но кем-то другим, когда капиталистически-организованный труд по разрушению материальных ценностей оказывается все же трудом производительным, то это можно понять, только учтя ряд условий. Среди последних немаловажное место занимает то, что капиталистическое общество есть общество индивидуальных производителей. Я утверждаю, что в обществе, где отсутствует капиталистическая частная собственность, такие явления невозможны.

Не хотелось бы повторять азов, да еще с цитатами, но для Аболина приведем цитату: „С общественной точки зрения они (издержки хранения) могут быть просто издержками, непроизводительным расходом живого или общественного труда, но именно как раз благодаря этому могут действовать таким образом, что создают стоимость для отдельных капиталистов, образуют наикдку к продажной цене их товара... Таким образом, издержки, которые удорожают товар, ничего не прибавляя к его потребительной стоимости, и принадлежат, с точки зрения общества, к *faux frais* производства, могут составлять источник обогащения для индивидуальных капиталистов“.¹

Как видно, не Вайсберг, но Маркс выдвинул в вопросе о производительном и непроизводительном труде два аспекта: общественный и частно-капиталистический. Аболин может с этим делением соглашаться или не соглашаться, но его апелляция к Марксу излишня.

Вы, тов. Аболин, попрекаете меня тем, что я слишком мало цитат из Маркса привожу. Может быть, вы хотите, чтобы я привел вам здесь цитату (или цитаты) о том, что, по Марксу, капитализм, управляемый законами общественного производства, остается обществом индивидуальных производителей? Но и без того, я уже дал вам повод упрекнуть меня в том, что я вам, ученому человеку, знающему так много цитат, напоминаю азбучные истины, „тривиальные“ положения. Пеняйте на себя: вы заставляете меня этим заниматься.

4. Аболин и Базаров

Аболин, по существу, защищает ревизионистскую точку зрения Базарова, против которой была направлена моя статья. Против прошлых и будущих базаровских и аболинских произведений я ука-

¹ Маркс, „Капитал“, т. II, стр. 113, М., 1918.

зал в самом начале своей статьи, что „теория Маркса, выкованная в процессе борьбы против буржуазных экономистов и философов, неоднократно подвергалась обработке разными „учениками“ и „последователями“, прибавлявшими по различным вопросам столь много отсебятины, что в их издании „Маркс“ начинает выглядеть добропорядочным буржуазным либералом и в области науки и в области политики. Поэтому теперь, в двадцатых годах двадцатого столетия, изучение Маркса должно идти не столько на основе преодоления старых буржуазных школ, сколько на основе преодоления тех ревизионистических наслоений, которые „уточняют“ Маркса до неузнаваемости“.¹

Аболин же на эту сторону дела не обращает никакого внимания. И не может он на этой стороне дела остановиться, так как он повторяет эклектика Базарова в главных вопросах. Ведь еще тридцать лет тому назад Базаров объявил священную войну против „вещественного уклона“, который он обнаружил ни у кого иного как у Карла Маркса.

Он обвинил по сему поводу Маркса и в „товарно-фетишистском уклоне“. Знал ли об этом Аболин? Если он Базарова не читал, то он, по крайней мере, должен был читать мою статью, которую он взялся критиковать и в которой об этом и рассказывается.

Для того чтобы показать, что вся эта история вовсе не нова, я вынужден отметить, что в своей статье, в которой я выступал против нападок Базарова на „вещественный“ уклон Маркса, я писал специально о транспорте следующее: „Транспортный труд, по Марксу, создает стоимость, но не потому, что он, как думает Базаров, изменяет или не изменяет „вещественных свойств“, а потому, что транспорт находится в сфере производства, потому что он является продолжением промышленности, потому что в него вложен „производительный капитал“. Не в силу „вещественных свойств“ транспортируемого предмета увеличивается стоимость продукта, но в силу того труда, который затрачивается: 1) на средства транспорта, 2) на труд транспортирования.

Этой малости с точки зрения Маркса не доглядел тов. Базаров, а потому Маркс сделался для него „буржуазным фетишистом“.²

И далее: „Дело не в том, создают ли эти издержки или не создают „полезного изменения в естественных свойствах продукта“, как думает Базаров, а в том, что они выходят за пределы производственного процесса в собственном смысле слова, ибо они вынуждены, обусловлены и порождены специфическими свойствами обмена, капиталистического превращения продукта в товар рядом специфических рыночных метаморфоз. Не „вещество“, как полагает

тов. Базаров, но круг общественных отношений, ограниченный в одном случае производством материальных благ, а в другом случае — изменением формы стоимости, их рыночной метаморфозы, решает вопрос.“¹

Я писал далее, что „Маркса интересует вопрос о форме стоимости, а не о форме „вещей“. Он считает несоздающим новой стоимости тот труд, который связан с превращением готового продукта в специфически товарную форму, хотя бы этот труд совпадал по конкретному содержанию своему с трудом, затраченным в производстве“.

Аболин обвиняет меня, грешного, в „вещественном“ уклоне. „Уточняя“ Маркса, Базаров обвиняет самого Маркса в „вещественном уклоне.“ Как видите, вы, тов. Аболин, вовсе не оригинальны, а я, ваш противник, не в такой уже плохой компании. Разница между вами и Базаровым заключается в том, что вы трусливы, а Базаров более смел. Базаров выступает без всяких обиняков против Маркса, а у вас на это пороха нехватает, поэтому вы выступаете формально не против Маркса, но против меня.

5. 0 материализме и об идеалистических „абсолютах“

В одном месте тов. Аболин говорит о том, что необходимо установить границы производства, и тем самым как-будто приближается к той постановке, которую я дал в своей статье, т.е. к необходимости разграничивать производство и обмен ценности. Но в дальнейшем тов. Аболин к этой постановке, во вред своему „теоретическому построению“, больше не возвращается. А ведь дело в том, что в капиталистическом обществе, едином по характеру своих диалектических связей, акты производства, обмена, распределения и потребления друг от друга отделены. Они не только едины, но и противоречивы. Потребляет не тот, кто производит. Без учета этой стороны дела проблемы производительности труда понять нельзя. Это тоже элементарно, тов. Аболин. Не стоит об этом говорить. Но что поделаешь с вами, если вы хотите „перепрыгнуть“ через эту марксову высоту вместо того, чтобы на нее взобраться. Я писал в своей статье: „Переходя к вопросу об общественном труде, мы ставим в центре внимания материальный продукт, ибо условия его производства создают те производственные отношения, на которых растут все прочие общественные отношения. Конечно, всякие понятия условны, и если ограничить понятие производительности труда и производства ценности сферой производства материальных благ, то следует признать, что и тут имеется ряд условностей“.³ Для меня, как для марксиста, нет абсолютных истин. Я оставляю их для вас, тов. Аболин, по-

¹ „План. Хоз., № 5, стр. 127.

² Там же, стр. 138.

¹ Там же, стр. 138.

² Там же, стр. 132.

сколько вы склоняетесь к схоластическим трактовкам. Я считаю, что и в том случае, когда мы берем за основу материальное производство, у нас все же „имеется ряд условностей“. Но я предпочитаю материалистическую условность идеалистической по двум причинам: во-первых, именно эта постановка дает ключ к пониманию всей сложности общественных явлений и, во-вторых, потому, что она „чутьточку“ ближе к Марксу. Об этой самой нематериалистической условности я писал следующее: „Противоположная точка зрения сводится к тому, что все существующее — разумно“ и что всякий „труд“, затрачиваемый в обществе, „образует ценность“. Для обыденного мышления, даже затронутого частично „ядом материализма“, вторая точка зрения представляется более правильной и, якобы, более учитывающей логическую цепь взаимозависимости. В самом деле, если рабочий производит ценность, то капиталист руководит его работой, философ мыслит за капиталиста и рабочего, вместе взятых, священник замаливает их грехи, танцовщица доставляет обоим наслаждение, банкир ссужает обоих деньгами, а король, царь, президент за всех их управляет и защищает их от врагов „внешних и внутренних“. Идиллия всеобщей гармонии, соответствия и взаимного оправдания страдает только тем „маленьким“ недостатком, что она игнорирует основные законы, управляющие капиталистическим миром, т.е. она плавает на поверхности явлений. Маркс же, напротив, исходя из тех общественных отношений, которые складываются на почве производства материальных благ, оголяет скрытые законы капиталистической системы, указывает нам определяющую роль одних сфер экономики и подчиненную роль других на почве монистического понимания исторического развития“ (стр. 132).

Не узнаете ли вы, тов. Аболин, в этой противоположной точке зрения нечто кровно-родственное вам? Потрудитесь еще и еще раз прочитать вашу собственную статью. Обратите внимание на ваше выступление против моего утверждения о том, что материальное производство, отделенное от рабочего, становится орудием его угнетения. Вы отвечаете мне, что капиталисты невинно пробавают бриллиантами и детскими игрушками, не угнетая рабочих.

„Не всякий материальный продукт,— поучает нас Аболин,— выступает против рабочего, как непосредственное орудие его порабощения. Эта роль принадлежит средствам производства и средствам потребления для рабочих. Такие „блага“, как „бриллианты“, вообще предметы великолепия и роскоши, употребляемые капиталистами, вовсе не выступают непосредственно против рабочего, как орудие его порабощения, а служат лишь средством удовлетворения „тонких“ потребностей буржуазии“.

Дело, конечно, не в непосредственных орудиях эксплуатации, а в целой системе капиталистического угнетения.

Аболина можно поздравить с новым открытием, служащим замазыванию классовых противоречий в капиталистическом обще-

стве. Оказывается, тот материальный продукт, который служит удовлетворению „тонких“ потребностей буржуазии, не является орудием угнетения рабочих масс. А что же служит этим „тонким“ потребностям? Мука, сахар, масло, из которых производятся „тонкие“ блюда, служат для буржуазии... орудием наслаждения. Или: эти товары служат орудием угнетения для рабочего, если он их употребляет. Значит, чем больше предметов потребления попадает в руки рабочих и чем меньше они остаются у буржуазии, тем больше они угнетают рабочих? Абсурд — но, конечно, аболинская точка зрения ведет к такому заключению.

Различные колониальные товары, в которых воплощены пот и кровь угнетенных масс Индии и Китая, оказываются невинной забавой, средством удовлетворения всеискупающих „тонких“ потребностей буржуазии. А роскошные виллы, замки, автомобили и прочие „детские“ забавы буржуазии,— все это не противостоит рабочему классу, ибо это „тонко“? Слишком у вас, тов. Аболин, тонко, а потому и рвется.

Аболин считает, что капиталист противопоставляет рабочему продукт, эквивалентный переменному капиталу: „Все потребительные стоимости, которые приобретаются на заработную плату, противостоят рабочему, как переменный капитал предпринимателя“. Вопрос вовсе не исчерпывается теми конкретными товарами, которые потребляют рабочие и даже не средствами производства, а суть заключается в системе общественных отношений, основанной на отделении продукта от его производителя. Эту мысль я проводил в своей статье, но Аболин, внешне принимая ее, по существу вульгаризировал ее. Благодаря специфической системе общественных отношений, созданной капитализмом, все без исключения служит орудием угнетения рабочих. Сюда относятся не только хлеб и машины, но и буржуазный парламент, и „независимый“ суд, и театр, и даже те „ангельские“ бриллианты, при помощи которых буржуазия покупает себе Барматов и Макдональдов больших и малых калибров. Мишурным блеском бриллиантов нельзя скрыть от марксистского глаза механизма капиталистического угнетения.

Полемизируя против моего положения о том, что производственные отношения, созданные в сфере производства материальных благ, определяют в конечном счете все остальные социальные отношения, Аболин наставнически заявляет: „Нельзя, например, сказать, что железо лучше меда, а мед лучше театрального представления.“ „В огороде бузина, а в Киеве дядька“. С сомнительной пользой для себя Аболин при этом извращает мою точку зрения. Он пишет: „Вайсберг в десятках мест заявляет, что с общественной точки зрения труд в области материального производства несравненно важнее труда, удовлетворяющего „духовные“ потребности, поскольку материальная культура определяет „духовную“. Разрешите вам заметить, дорогой тов. Аболин, что в пылу полемики вы даже

арифметическими истинами жертвуете: в „десятках“ мест я, право, не грешил, потому что, во-первых, я в гораздо меньшем количестве мест затрагивал этот вопрос, а во-вторых, вы попросту не поняли, что вы читали. Я говорил не о важности товаров, но о различии между той или иной сферой труда. Я уже отмечал выше, что не считаю возможным рассматривать этот вопрос независимо от других вопросов, и, пожалуйста, не приписывайте мне вашей собственной „абсолютистской“ методологии. Я говорил о тех общественных отношениях, которые создаются в сфере производства материальных благ и об определяющей роли этих общественных отношений для всякого рода иных общественных отношений. В этом „трехе“ я повинен и готов понести за него кару. Вот „вещественные доказательства.“ Я писал, что „законы, управляющие производством и распределением „нематериальных благ“, только отражают на себе законы, управляющие материальным производством, но не наоборот“.¹ И еще более резко я формулировал эту мысль так „Последний (актер) сам является наемным слугой капиталистического общества, которое создает среду, определяющую характер идеологии. А капиталистическая среда определяется не характером театральной или философской идеологии, но характером производства материальных благ, на основе которого развиваются соответствующие производственные отношения“.²

В подтверждение этой мысли можно действительно привести десятки мест из Маркса, Энгельса, Ленина и Плеханова. Или, может быть, тов. Аболин в состоянии, оставаясь на марксистской точке зрения, доказать противное? А что касается вопроса о том, что важнее: железо, мед или театральный билет, то в такой „голой“ постановке это обывательский вопрос, не заслуживающий никакого внимания.

6. Об учителе, торговце и пр.

Аболин запутался между двух сосен, из которых одна называется трудом производительным, а другая — трудом полезным. Разницы между производительным и полезным трудом Аболин совершенно не уясняет себе. В связи с этим он топчется на одном месте вокруг понятия „услуги“, не замечая, что по существу речь идет о двух видах непроизводительного труда, из коих один является трудом общественно-полезным, а другой таковым не является.

Аболин симпатизирует труду учителя и не симпатизирует труду торговца, ограничиваясь очень примитивным подходом. Он не понимает что труд учителя непроизводителен, но полезен. Труд торговца или разносчика тоже можно считать полезным в капиталистическом обществе и как-раз в силу его непроизводительной функции. На

этот счет у Маркса имеется замечательное по своей глубине указание:

„Чтобы упростить вопрос... мы примем, что агент для купли и продажи является человеком, продающим свой труд... Он исполняет необходимую функцию, потому что самый процесс воспроизводства заключает в себе и непроизводительные функции. Он работает так же, как и всякий другой, но содержание его работы не создает ни стоимости, ни продукта. Он сам относится к *faux frais* производства. Он приносит пользу не тем, что превращает непроизводительную функцию в производительную или непроизводительный труд в производительный; было бы чудом, если бы подобное превращение совершилось вследствие перенесения функций от одного лица к другому. Напротив, он приносит пользу тем, что благодаря его деятельности менее значительная часть рабочей силы и рабочего времени общества связана этой непроизводительной функцией“.¹

В этой цитате Маркс объявляет труд торговца непроизводительным, хотя и полезным. При этом он говорит как-раз о капиталистически-организованном труде, что лишний раз подчеркивает то обстоятельство, что Маркс вовсе не считал капиталистическую организацию исчерпывающим признаком для труда производительного.

Труд учителя, организованный капиталистически, производителен для предпринимателя. Этот труд общественно-полезен, если он действительно повышает умственную квалификацию людей, независимо от того, как он сам организован: капиталистически или как-нибудь по-иному. Но в общественном смысле не всякий полезный труд является производительным трудом.

Я вынужден, между прочим, напомнить тов. Аболину такие элементарные положения, как самые первые слова первого тома „Капитала“: „Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет огромное скопление товаров, а отдельный товар—его элементарную форму“.²

А что такое товар? „Товар,—говорит Маркс,—есть прежде всего внешний предмет, вещь“... Этим понятие товара не исчерпывается. Он имеет еще другие признаки. Но капиталистическое общество — комплекс гораздо более сложный, чем понятие „товар“. И в силу сложности и своеобразия капиталистических условий люди торгуют религией, богом, честным словом,³ любовью, политическими убеждениями, совестью, ораторским искусством, стихотворным умением, журналистской изворотливостью и т. п. „товарами“. Все эти „услуги“ могут быть капиталистически-организованы и расцениваться подобно другим товарам на деньги. Но что это за „товары“? Это

¹ „Капитал“, т. II, стр. 107—108.

² К. Маркс, „Капитал“, т. I, стр. 1, абзац первый.

³ „Я хозяин своему слову: хочу — даю, хочу — беру назад“ (из анекдота).

¹ „План. Хоз.“, 1927 г., № 5, стр. 133.

² Там же, стр. 146.

товары, если можно так выразиться иррациональные, живущие, как „товары“, отраженным светом кривого зеркала капиталистических отношений, основанных на производстве настоящих товаров-вещей. Можно ли сказать, что всякое проявление этих иррациональных „товаров“, самое существование которых в роли товаров основано на фетишизме буржуазных отношений, увеличивает ту массу ценностей, которыми располагает данное общество? Тов. Аболин дает на этот вопрос положительный ответ, забывая о том, что он, как марксист, обязан вскрывать сущность капиталистических отношений, а не ослепляться их „бриллиантовым“ блеском.

Рассуждения Аболина таковы: „услуга“ является потребительной стоимостью, следовательно, она создает стоимость и представляет собою труд производительный.¹ Из приведенной цитаты Аболина ясно, что речь идет о таком выраженном в услугах труде, который вносит новую стоимость (потребительную и меновую) в массу стоимостей, находящихся в руках общества. А о чем говорят те цитаты из Маркса, на которые Аболин пытается в данном случае опереться? Так, например, в одной из приводимых Аболиным цитат Маркс говорит о том, что услуга есть „полезное действие“. А разницы между полезными и производительным трудом Аболин как-раз и не усвоил себе. Маркс говорит о труде, приносящем прибыль капиталистическому предпринимателю. Об этом, т.-е. об одном определенном аспекте производительного труда и трактуют те цитаты из Маркса, которые приводит Аболин. Ошибка, которую делает при этом Аболин, заключается в том, что он забывает, что „производительную силу нельзя считать дважды: один раз, как производительную силу труда, а другой раз, как производительную силу капитала“². Если капиталистический организатор лекции получает прибыль, то причиной этому является не то, что наемный лектор производит ценность, а только то, что он создает условия для присвоения части общественного прибавочного продукта организатором лекции; последний же уделяет и лектору часть продукта или ценности, не им созданной. При этом труд лектора, являясь общественно-полезным, вовсе не создает ценности и не является производительным с точки зрения постоянного воспроизводства общественного продукта и общественных ценностей. Вопрос о про-

¹ „Тот, кто считает труд, создающий „услуги“, непроизводительным, очевидно, признает, что потребительная стоимость может выражаться лишь в вещи. В противном случае получается явная нелепость: если капиталистическое предприятие, например, театр, создает определенные потребительные стоимости, т.-е. удовлетворяет какую-либо общественную потребность, и на их создание тратит определенное количество общественного труда, то, очевидно, это предприятие создает стоимость которая, как известно, определяется количеством труда, затраченного на производство потребительной стоимости. Словом, если признать, что и услуга может быть потребительной стоимостью, то ясно, что труд, затраченный на их производство, должен найти в стоимости свое общественное выражение“.

² К. Маркс, „Теория“, т. I, стр. 268.

изводительном труде в смысле создания общественной ценности нельзя ни в коем случае смешивать с вопросом о производительном труде под углом зрения частного капитала. „Только буржуазная ограниченность, — читаем мы у Маркса, — считающая капиталистические формы производства абсолютными, а следовательно, и вечными естественными формами производства, способна вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, смешать с вопросом, какой труд вообще производителен или что такое производительный труд вообще, только она может считать чрезвычайно мудрым свой ответ, гласящий, что всякий труд,³ что-нибудь производящий, имеющий какой-либо результат, eo ipso, есть производительный труд.“⁴ Аболин не вдумался в те цитаты из Маркса, которые он сам приводит; даже в тех местах, где Маркс говорит, выражаясь его собственными словами, „с точки зрения капитала“, о производительности так называемых „услуг“, он делает при этом следующую оговорку: „Если позволительно пользоваться примерами из области нематериального производства“. Кроме того, Маркс указывает на то, что случаи капиталистической организации „услуг“ вообще „могут быть оставлены совершенно без внимания“.

7. О цитатах

Диалектический, историко-социологический и материалистический моменты достаточно отчетливо выражены в работах Маркса; однако, он в различной связи оттеняет больше тот или иной момент. Эта формальная сторона дела часто вводит в заблуждение экономистов разных мастей, в связи с чем не мешает вспомнить следующие слова В. И. Ленина: „Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно, обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т.-е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали диалектический материализм, чем диалектический материализм, больше настаивали на историческом материализме, чем на историческом материализме“⁵ (курсив Ленина). Аболин, не понимающий специфических условий возникновения марксовой философии, надергивающий цитаты без разбору, невольно попадает впросак, отбрасывая те места, где Маркс и Энгельс выступают как борцы материалистического миропонимания.

Аболин сделался жертвой непонимания специфического отличия производительного труда с капиталистической точки зрения. Искушающим вину обстоятельством является то, что он запутался в заимствованных из разных мест цитатах, взятых вне связи с общей философией диалектического материализма. Но уже если итти „ци-

¹ Там же, стр. 268.

² Ленин, Сочинения, т. X, стр. 278—279.

татным путем", то мы считаем своим долгом обратить внимание тов. Аболина на следующее. Если продолжить абстрактно, без всяких ограничений, положение о том, что всякий капиталистически-организованный труд является производительным, если не делать при этом никаких оговорок (как поступают Аболин, Базаров и др.), то следует, конечно, труд учителя признать производительным. Перед таким соблазном стоял Адам Смит, он по этому ложному пути не пошел, и Маркс с ним согласился. Об этом Маркс высказывается таким образом: "Стало быть, производительным трудом будет такой труд, который или производит товар, или непосредственно создает, обучает, развивает, поддерживает, воспроизводит рабочую силу. Этот последний вид исключается Смитом из установленной им рубрики производительного труда; он делает это произвольно, но все-таки руководится некоторым верным инстинктом, подсказывающим ему, что если он включит сюда и этот труд, то тем самым настежь откроет двери для ложных представлений о производительном труде".¹

В этой цитате достаточно ясно выявлено отношение Маркса к вопросу о производительности так называемых "услуг", о труде и, в частности, о труде по воспроизводству квалифицированной рабочей силы. Если "услуги", как полагает Аболин, производительны и создают ценности, то чем же уничижающе-отрицательное отношение Маркса к предшественникам Аболина в лице буржуазных экономистов? Если следует еще доказывать отношение Маркса к буржуазным экономистам цитатами, я приведу три—четыре из многих: "Эти люди (речь идет о буржуазном экономисте Нэссоу Сеньоре) до такой степени одержимы своими буржуазными предвзятыми идеями, что они сочли бы Аристотеля или Юлия Цезаря оскорбленными, если бы их назвали "непроизводительными рабочими", но Аристотель и Цезарь сочли бы обидным для себя уже одно название рабочего".²

Аболин не "Аристотель" и не "Юлий Цезарь", но он, конечно, считает себя обиженным, если его профессиональный труд оказывается непроизводительным, хотя и полезным. Он настолько обижен, что даже не хочет призадуматься над разницей между этими двумя категориями.

"Характерно, что те "непроизводительные" экономисты, которые ничего не совершают в своей собственной специальности, ополчаются против различения производительных рабочих от непроизводительных. Но этим они обнаруживают, с одной стороны, свой сервилизм перед буржуа, изображая все профессии служащими производству для него богатства, а с другой стороны, здесь обнаруживается их стремление доказать, что буржуазный мир есть самый

лучший из всех миров, что все в нем полезно и что сам буржуа настолько просвещен, что сознает это. По отношению же к рабочим это выражает ту мысль, что если непроизводительные много потребляют, то это вполне в порядке вещей, так как они в такой же мере содействуют производству богатства, как и производительные рабочие, хотя и другим образом".¹

"Всякая услуга производительна для ее продавца. Клятвопреступление тоже производительно для того, кто совершает его за чистые деньги. Подделка документов тоже производительна для того, кому за нее платят. Убийство тоже производительно для того, кто получает за него деньги. Занятие сикофантов, доносчиков, лстецов, паразитов, блюдолизмов производительно для тех, кто не даром совершает эти "услуги". Стало быть, они — "производительные рабочие", они производят не только богатство, но и капитал. И мошенник, который сам себе платит, совершенно также, как это делают судьи и государство, "затрачивает силу, дает ей определение, приложение и создает результат, удовлетворяющий потребности человека", а именно — потребности вора, а быть может, кроме того, и его жены и детей. Стало быть, он — производительный рабочий, если все дело только в том, чтобы создавать "результат", удовлетворяющий известную "потребность", т.е. в вышеупомянутых случаях, если все дело только в том, чтобы он продавал свои "услуги", дабы они стали производительными".²

Но может быть, с точки зрения не капиталиста, но общественного производства, услуги производительны потому, что они косвенно участвуют в производстве. И на этот вопрос Маркс дает совершенно недвусмысленный ответ: "Этот косвенно участвующий в производстве труд (он представляет собою только часть непроизводительного труда) мы и называем непроизводительным трудом. Иначе пришлось бы сказать, что, так как правительство абсолютно не может существовать без крестьянина, то крестьянин — косвенный производитель судопроизводства и т. д. Пустяки".³

Рассуждения Аболина о потребительной ценности услуг напоминают аналогичные рассуждения России: "Но самый факт потребления, как бы он ни совершался, не может отнять у продукта характер богатства. Существуют невещественные продукты, которые долговечнее многих материальных. Дворец существует долго; но Иллиада — еще более долговечный источник наслаждения". Что же, тов. Аболин, Маркс подписался под этими словами? Да, "подписался" двумя словами: "Какая чушь".⁴

Опасаясь, как бы Аболин не затеял нового крючкотворства: мол, России говорит о богатстве, а он, Аболин, о ценности (по су-

¹ Там же, стр. 257.

² Там же, стр. 260.

³ Там же, стр. 260.

⁴ Там же, стр. 264.

¹ К. Маркс, "Теории", т. I, стр. 180.

² К. Маркс, "Теории" т. I, стр. 254.

шеству же Аболин выражает мысль России только в марксистских терминах).

Во избежание возможного крючкотворства я рекомендую тов. Аболину то место, где Маркс говорит о всех этих понятиях в совокупности, т.е. об услугах, о ценности и о материальном богатстве: „Тут мы опять наталкиваемся на ту бессмыслицу, что всякий род услуг что-нибудь производит: проститутка — сладострастие, убийца — убийство и т. д. Впрочем, Смит сказал бы, что все виды этих услуг имеют свою ценность. Недоставало только, чтобы эти услуги выполнялись безвозмездно. Об этом здесь нет речи, но даже если бы они выполнялись даром, то и тогда они не увеличивали бы материального богатства на грош“.¹

Можно привести еще много-много аналогичных цитат. Но думаю, что для цитатных дел любителя Аболина и этого хватит. Отметим только, что, говоря об аболинской точке зрения, выраженной в длиннейших и скучнейших писаниях Шторха, Ганиля, Гарнье, Лодерделя и других представителей буржуазного тупоумия, Маркс выразился по их адресу столь нелестно, что редактор его незаконченных рукописей, Карл Каутский, не решился привести слов Маркса и только ограничился замечанием: „и здесь рукопись выражается не так учтиво. К“.²

8. 0 капиталистическом рынке

Выступающий против „вещественной“ точки зрения и напавший на себя тогу марксиста-социолога, тов. Аболин не понимает характера непроизводительных затрат, вытекающих из специфических условий обмена, свойственных одному только капиталистическому рынку. Надо ли доказывать, что специфические условия капиталистического рынка ведут к такого рода и к таким размерам непроизводительных затрат, которых не знает никакое общество? Надо ли доказывать, что продукт раньше, чем дойти от производителя к потребителю, должен претерпеть товарную метаморфозу, и что связанные с этой стадией кругооборота реклама и хранение представляют собою непроизводительный труд? Даже представители современной буржуазной науки понимают то, чего не понимает Аболин. Достаточно указать на замечательную книгу Стюарта Чэза „Трагедия расточительности“. Или откройте любую страницу вышедшей только несколько месяцев тому назад в русском переводе книжки Ст. Чэза и Ф. Шлинка „Как растрачиваются деньги потребителя“ (ГИЗ, 1928 г.).

Спрашивается: в С.-А.С.Ш., „стране чудес“, где конкуренция достигает умопомрачительных размеров и мерзостей, хранение товаров

в торговле представляет собою допроизводственный процесс или же связан с ненормальными условиями рыночной борьбы? Является ли американская и американизированная торговля, в том числе и хранение товаров в торговле, производительным трудом? Маркс, который не знал еще современной Америки, но изучил капитализм своего времени, полагал, что хранение товаров в торговле является трудом непроизводительным. Так как я изложил эту мысль Маркса, то Аболин обвиняет меня в том, „что Вайсберг поверил В. Базарову, будто бы Маркс объявил труд, затраченный на хранение запасов, находящихся в форме товарно-торгового капитала, непроизводительным. Он разрешает указанное выше „противоречие“ тем, что, якобы, по Марксу производитель только труд по хранению заводских запасов, непроизводителен же труд по хранению торговых запасов“.

На это я должен ответить следующее: во-первых, меня интересует не хранение запасов само по себе, но та или иная основная сфера хозяйственной деятельности, в которую хранение запасов входит только частью и является производительным или непроизводительным трудом в зависимости от характера основной сферы: производства, обмена, распределения или потребления. Во-вторых, я не поверил Базарову, как об этом свидетельствует вся моя статья, а на сей раз, чтобы отвлечь от себя всякие подозрения моего „проницательного“ критика, я поверю такому человеку, авторитет которого, вероятно, не вызовет у Аболина никаких подозрений. Я поверю „самому“ тов. Аболину, который пишет: „Тем не менее, благодаря хранению запасов, потребительная стоимость товара не только не увеличивается, но даже уменьшается, поэтому с точки зрения общества издержки по хранению запасов могут быть отнесены к непроизводительным. „Таким образом, издержки, которые удорожают товар, ничего не прибавляя к его потребительной стоимости... принадлежат с точки зрения общества к *faux frais* производства“ (стр. 110).

Вы, тов. Аболин, только не уясняете себе, почему Маркс говорит в данном случае, т.е. в цитате „добытой“ вами самими, о *faux frais*. Потрудитесь открыть тот же II том „Капитала“, ту же шестую главу, только немного дальше, раздел III, „Издержки транспорта“, и прочитайте следующее: „Общий закон заключается в том, что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости“.¹ А вы вот беретесь толковать о производительности и непроизводительности труда, даже не подумав о том, что этот вопрос неразрешим без учета особенностей капиталистического превращения товарной формы, и что в зависимости от этого превращения один и тот же труд может оказаться и производительным и непроизводительным.

¹ К. Маркс, „Теория“, т. I, стр. 264.

² Там же, стр. 265.

¹ „Капитал“ т. II, стр. 125 (курсив Маркса).

Точно также вы не учитываете тех многочисленных и многообразных *faux frais*, которые проистекают из „социальных бедствий капитализма“, из несовершенств данного социального строя. Я об этом писал в своей статье и не стану к этому вопросу возвращаться. Укажу только, что без этой стороны дела вам из проблемы не выпутаться.

9. „Легкая“ философия о СССР

Для переходного периода Маркс не писал никакой теории производительного труда и писать не мог. Но его теория капиталистического развития дает необходимые отправные пункты для изучения экономики СССР. Материалистическое понимание истории, важное для изучения капитализма, приобретает сугубое значение в наших условиях, когда чисто „социалистический“ момент, трактовка производительного труда „с точки зрения капитала“ сходит на-нет. Начинается длительный и чрезвычайно мучительный процесс трансформации капиталистических и докапиталистических отношений в социалистические. Если на этом крутом перевале от одной исторической эпохи к другой не держаться твердо принципов диалектического материализма, если игнорировать „ведущую“ роль производственных отношений, созданных в сфере материального производства, то очень легко запутаться в неразрешимых противоречиях.

В виду противоречивости социальных укладов нашей экономики непреложным условием изучения проблемы производительного труда является анализ ее в разрезе отдельных секторов, по крайней мере двух: капиталистического и социалистического. Следует проанализировать специфические условия СССР в целом, а также специфические внутрисекторальные условия, определяющие производительный и непроизводительный труд. Следует учесть и межсекторальный разрез, в связи с чем и стоит, например, такой вопрос, как степень производительности труда несоциалистического хозяйства по отношению к труду, организованному в социалистическом секторе, т.е. в секторе наиболее передовом.

Я в своей статье попытался наметить по этой линии ряд вопросов. Аболин же, ни слова не говоря о моей методологии, обходя ее гробовым молчанием, идет своим собственным путем и нападает на мою статью не по основным вопросам, а по мелочам. Путь Аболина достаточно оригинален: если его размышления о капиталистическом обществе представляют собою старые вульгарные перепевы, то его рассуждения о СССР поражают своим безграничным легкомыслием.

В чем заключается его методология в отношении СССР?

Во-первых, он сообщает нам, что следует поговорить о производительном труде при коммунизме. Во-вторых, он немедленно приводит цитату, которая трактует не о том, о чем обещал поговорить

Аболин (ткнул пальцем не в ту страницу). В-третьих, он приводит вторую цитату из Маркса, из которой разницы между производительным трудом при капитализме и при коммунизме тоже не видать. В-четвертых, он приводит еще третью цитату, из которой мы узнаем, что в древней индийской общине был бухгалтер, и добавляет от себя, что во всяком организованном обществе (читай и при коммунизме) бухгалтерский труд непроизводителен.¹ В-пятых, он ругает автора этих строк за одно место, в котором он, Аболин, не разобрался. Точка. Готова методология. После этого Аболин с резвостью, могущей вызвать только улыбку, заявляет „после всего изложенного выше уже сравнительно легко (!) установить понятие труда в СССР“.

Все дальнейшее, что Аболину удалось „легко установить“, настолько произвольно и лишено следов какой бы то ни было теоретической концепции, что спор на этой почве связан с совершенно непроизводительной затратой труда и времени. О проблемах СССР я с Аболиным спорить не стану, а ограничусь ответом только на те его замечания, которые оставить без ответа никак нельзя.

Аболин вопрошает: „Если признать весь этот труд (потраченный, выражаясь его же словами, на „внепроизводительную деятельность.“ Р. В.) в организованном хозяйстве производительным, тогда станет необъяснимым почему при капитализме весь он считается непроизводительным, так как труд, занятый в торговле, осуществляет функции распределения, т.е. занят в процессе, который в той или иной форме, в том или ином размере будет иметь место при всякой хозяйственной системе“?

Вопрос поставлен так, что в нем заранее предreshen ответ, вдвойне неверный. Во-первых, Аболин подчеркивает функции распределения торговли, каковой момент обычно выдвигается всеми буржуазными и эклектическими писателями для доказательства того, что торговля является столь же производительным трудом, как и производство, и остается вечным, непоколебимой основой „при всякой хозяйственной системе“. Во-вторых, Аболин, как и все эклектики, клянущиеся именем Маркса, не учитывает того, что функции распределения связаны при капитализме с теми дьявольски непроизводительными затратами, которые вызываются специфической капиталистической формой превращения продукта материального производства в товар и что как-раз эти условия будут уничтожены при коммунизме и уже уничтожаются в СССР. Марксист, который ставит вопрос о труде, занятом в товарообороте СССР, должен заинтересоваться проблемой изжития *faux frais* капиталистического товарооборота. Кроме того, в статье,² на которую нападает Аболин, я

¹ При горячей любви Аболина к учителю непонятна его немилость к бухгалтеру.

² См. „План. Хоз.“, № 6 за 1927.

исходил из того, что не только по линии торговли, но и в других разрезах наш социалистический сектор испытывает на себе, на современной стадии его развития, влияния условий существования несоциалистического окружения. Если взять весь наш государственный аппарат, то окажется, что в нем имеются такие *faux frais*, которые вызваны наличием в стране досоциалистических формаций и несовершенством наших командных социалистических высот. Поэтому я и писал, что „по мере приближения переходного общества к коммунистическому строю обобществленный аппарат совершенно освободится от *faux frais* переходных условий обмена и распределения“. Аболин этого не понимает и сердится... Следует проанализировать самый процесс превращения непроизводительного и производительного труда в капиталистическом обществе в новые категории в условиях переходного периода. Целый ряд функций, которые имели место при капитализме, отмирает. Другие функции, непроизводительные, но полезные, трансформируются, сращиваются с производственным процессом, превращаются в производительные функции. Можно было бы установить ряд переходных ступеней между производительным и непроизводительным трудом. Это тема для особой работы. Но для этого необходимо раньше всего учесть всю сложность специфических общественных условий СССР. Об этой стороне дела „легкость“ тов. Аболина даже не заикается.

Он не понимает также, почему труд, непроизводительный при капитализме, превращается в наших условиях в труд производительный, и опять-таки обижается на меня. Возьмем для примера того же излюбленного Аболиным учителя. В капиталистическом обществе труд учителя обменивается, главным образом, на доход и сплошь и рядом не имеет никакого отношения к материальному производству. В СССР же (поскольку мы говорим о социалистическом секторе) противопоставление труду учителя капиталистического дохода или капиталистической прибыли отошло в исторический крематорий вместе с политической властью буржуазии. Основной результат работы советского учителя — повышение квалификации рабочей силы, при чем — это особенно важно — самый процесс воспроизводства квалифицированной рабочей силы все больше и больше сращивается с производством. Самым ярким примером в наших условиях являются школы ФЗУ, где учеба и производительный труд реально и неразрывно связаны. Частично идут по этой линии многие средние и высшие учебные заведения. Но так как Аболин не задумывается над вопросом о связи того или иного вида труда с производственным процессом, то он улавливает только внешние признаки и загоняет самого себя в тупик перед вопросом: какая разница между фабзавучем и техническим училищем? Обратитесь в Главпрофобр, и вам разъяснят. С точки зрения „господствующей системы хозяйства“ Аболин считает, что в капиталистическом обществе „труд простого товаропроизводителя и коллективный труд непроизводи-

тельны“ (труд, неорганизованный капиталистически). Так как эта мысль выдвигается в связи с экономикой СССР без учета ее внутренних и внешних противоречий, так как специфических условий, связанных с процессом отмирания капитализма в СССР, Аболин в свой анализ не вводит, то никакого водораздела между реально существующими капиталистическим и советским обществом не оказывается. Если с точки зрения господствующей во всем мире капиталистической системы подойти к экономике СССР, то получится, что „коллективный труд“, т.е. весь наш социалистический сектор, непроизводителен. Об этом и твердят каждодневно все буржуазные борзописцы, с которыми Аболин, конечно, не согласен. В таком случае он должен подумать о том, куда ведет его необычайная „легкая“ философия.

Засим начинается „легкий“ танец медведя в посудном магазине.
Вот полюбуйтеся!

Аболин в щедрости своей доходит даже до того, что признает производительными и таких работников, труд которых „технически необходим для самого процесса производства“. Что касается технической необходимости, то это понятие, по меньшей мере, недостаточное, а внезапные симпатии Аболина к „производству“ столь же расходятся со всей его статьей, как и другое место, где он настолько кокетничает с „производством“, что даже заменяет термины „производительный“ и „непроизводительный“ словами „производственный“ и „непроизводственный“. Характерно, что все эти казусы, обнаруживающие отсутствие у Аболина всякой последовательности, происходят с ним с того момента, как он начал трактовать о СССР и незаметно для самого себя отвязал тот канат, по которому он все время ходил, а именно: понятие о капиталистически организованном труде. Это обстоятельство лишний раз доказывает, что Аболин не оказался в состоянии усвоить из учения Маркса о капитализме что-нибудь путеводное для экономики СССР. Для определения производительного труда в СССР Аболин отбрасывает всякие исторически ограниченные признаки. Он берет только один признак: „производство потребительной стоимости“.

Кто не производит потребительной стоимости? Конечно „все“ производят. И не даром советский крестьянин удостоивается в этой связи стоять рядом с артистом. Чем крестьянин хуже артиста? Демократия, товарищи! Но не до бесчувствия. И Аболин сейчас же вносит ограничение: среди непроизводительного труда в СССР оказывается на первом месте „труд занятый в натуральном хозяйстве“. Почему? Потому ли, что там заняты одни „бухгалтера“, а не крестьяне? Потому ли, что в натуральном хозяйстве не производятся потребительные ценности? Или потому, наконец, что в СССР господствует по-аболински понятные капиталистические отношения?

Характерным для аболинской статьи является то, что он с самого начала сообщает читателю о „марксистской литературе“ и о

„буржуазных экономистах“, забывая о другой плеяде современных экономистов — об эклектиках. По отношению к этой своеобразной школе у него критического чутья нехватает, так как он целиком попадает к ней в плен. Аболин находится, в частности, под сильным влиянием Базарова, против которого была направлена моя статья. Эклектизм, граничащий с буржуазной идеологией, крепко сковал Аболина, несмотря на то, что он на каждом шагу клянется Марксом, несмотря на то что он внешне настолько интересуется Марксом, что даже подсчитал, сколько страниц последний посвятил вопросу о производительном труде.

Марксизм должен избавиться от таких друзей, а с врагами он сам справится. *От таких идиотов и „курят“ вышел*